

Памяти минского гетто

Геня Завольнер:

"Был ужас перед тем, что человек так просто исчезает"

Что я запомнила, что осталось в моей памяти на всю жизнь, так это то, как забирали отца. Он был в телогрейке, а лица его я не помню, представляете, совершенно исчезло его лицо из моей памяти.

О отца забрали, а нас переселили в гетто. Жили мы у дороги, каждый день к нам во двор летели бамбуковые палки. Я видела фашиста, который стоял у нашей калитки и, когда людей вели на расстрел, ломал эти палки на спинах людей. Я хотела увидеть его и однажды увидела: он был маленький, с лысиной и закатанными рукавами, кричал и отдувался, когда бросал к нам палки.

Бабушку нашу мы нашли убитой в квартире, сами ее хоронили. То, что я тогда испытала, не могу назвать страхом, это было что-то страшнее страха. Это был ужас перед тем, что человек так просто исчезает.

Мама ушла менять вещи на продукты, а в гетто начался погром. Обычно мы прятались в погребе, а тут полезли на чердак. Он был с одной стороны полностью разбитый, и это нас спасло. Немцы вошли в наш дом и штыками били в потолок. И не полезли на чердак только потому, что он был разбитый. А в погреб они бросили гранаты.

Мы сидели три дня на чердаке, три дня продолжался погром. А мамы с нами не было. Мы не знали, по чему она не вернулась. Кончился погром, стали у ворот и

ждем; вернется она или нет. И идет наш бывший сосед, он прошел, не останавливаясь, но мы услышали: "Ваша мама жива". Когда мама пришла, мы втроем стояли и смотрели на нее, никто не плакал, слез не было, а было какое-то умиротворение, как будто война кончилась и ничего плохого уже не будет. Запомнилось вот такое. Мы стоим с мамой у проволоки, мимо идет красивая женщина. Она остановилась возле нас по ту сторону и говорит мне: "Как мне вас жалко". Мама ей отвечает: "Если вам жалко, возьмите мою дочь к себе". "Хорошо", — задумывается женщина. Остальное они говорили шепотом.

На следующий день мама привела меня к воротам гетто:

— Генечка, ты возьмишь коляску с куклой и пойдешь к тете Марусе (это наша соседка).

Я помню, в чем я была одета, голубая кофта, свитерок с белыми помпончиками. Мама одела меня в лучшее, праздничное.

Мама меня толкает за ворота гетто, а я жмусь к ней. Она толкает, а сама слезами обливается. И помню, как я пошла: где ворота были, где пост охраны.

Пришла, с колясочкой, куда мама сказала, там меня одели в козушок и посадили на повозку. Сколько мы ехали, столько я плакала и говорила: "Там, где ты, мама, там и я".

Привезли меня на хутор, посадили на длинную лавку. В этой семье, куда меня привезли, было чет-

Еврейское гетто в Минске. 1941 г.

веро детей. И они взяли еще и меня. Я хочу, чтобы все знали фамилию женщины, которая меня спасла, — Олимпия Пожарицкая из деревни Геневицы Воложинского района. Страх в этой семье жил столько времени, сколько я там жила. Если бы узнали, что они прячут еврейскую девочку, пусть бы только кто-нибудь пальцем показал в их сторону, расстреляли и взрослых и детей. Появлялись немцы, меня сразу куда-нибудь отправляли. Лес был рядом, это спасало.

Та жизнь, которая была после гетто, запомнилась мне больше, чем гетто. Там я испытала страх одиночества. Женщина эта меня очень жалела, она жалела одинаково своих детей и меня. Если она что-то давала, то давала всем, если она целовала, то целовала всех. Я на-

зывала ее "мамуся".

Когда к хутору подошли танки, я пасла коров, увидела танки и спряталась. Мне не верилось, что танки наши, но когда различила на них красные звезды, вышла на дорогу.

С первого танка соскочил военный, подхватил меня на руки и высоко-высоко поднял. Тут прибежала хозяйка хутора, она была такая счастливая, такая красивая, ей так хотелось чем-то хорошим поделиться, сказать, что они тоже что-то сделали для этой победы. И она рассказала, как они меня спасали, еврейскую девочку.

Этот военный прижал меня к себе, а я была такая маленькая и тоненькая, что спряталась у него под рукой, он обнял эту женщину, как будто он лично был ей благодарен, как будто она ему дочь спасла.

Он говорил, что у него все погибли, что, когда кончится война, он вернется и заберет меня в Москву. А я ни за что не соглашалась, хотя не знала — жива моя мама или нет?

Прибежали другие люди, они тоже обнимали меня. И все признавались, что догадывались, кого прячут на хуторе.

Потом приехала за мной мама, а я не хотела к ней идти. Меня привезли домой, я увидела, как брат мой Лева бежит по двору, и бросилась к нему...

*** В тексте допущены некоторые неточности: вместо "четверо детей" необходимо читать "трое"; название деревни — Гиневицы, а не Геневицы. ***

Воспоминания Гени Ароновны Завольнер вошли в книгу Светланы Алексеевич "Последние свидетели" с посвящением: "Дорогой Гене Ароновне, одной из героинь этой печальной книги — с благодарностью и поклонением ее жизни."

Евреи — жители Минска, согнанные фашистами в дни организации гетто. Лето 1941 г.

